

346 ГАЛИНА УЛАНОВА

В постановлениях правительства о присуждении Сталинских премий рядом с фамилиями выдающихся ученых и изобретателей мы находим и фамилию балерины Улановой.

Представительница балета, право которого именоваться искусством оспаривалось столетия, танцовщица, чья профессия «из приличия» в документах старого мира обозначалась словом «артистка», стала гордостью народа, одной из лучших дочерей страны. В награждении ее нашли выражение завоевания советской культуры, расцвет хореографии, которая стремится выйти из границ зрелищной забавы, стать содержательным, идейным искусством.

У каждого сценического искусства есть свои ценители: одни больше всего любят драму, другие — оперу, третьи — музыку, четвертые — балет. Уланова заставляет забыть о симпатиях и антипатиях. Люди, вопреки безмолвности танца, слышат голос движений Улановой, они видят живопись, графику, скульптуру ее поз, они вспоминают стихи, вглядываясь в легкие контуры ее танца. И это приводит в балетный театр множество его противников, делает их поклонниками того, мимо чего они еще вчера проходили безучастно.

Глядя на танцующую Уланову, узнаешь старых, как мир, властителей сны, поэзии, музыки, живописи — простоту, душевность, человечность. В ис-

полнении Улановой танец перестает быть условным языком балетных па, он становится понятным и волнующим языком искусства, убеждающего всех, независимо от их склонности и вкусов. Когда танцует Уланова, радуется гармонический покой, тот покой, который рождает Пушкинская строфа, и простота шубертовской мелодии, и тургеневская неторопливость повествования, и прозрачность рисунка Кипренского. Конечно, это лишь видимость покоя, как видимость его есть и в образцах античного ваяния, напряженного, страстного и живого. Это видимость покоя, потому, что покой и движение несовместимы. Это видимость покоя, потому что простота есть искусство огромного напряжения, к которому призывали великие художники: «верх искусства — скрыть искусство».

Что влечет нас в театр? Жизнь, которую мы познаем в ее сложности, глубине, ставшей для нас открытой, полной смысла и потому волнующей. Движения танца не воспроизводят жестов, поступи человека в быту. И вместе с тем танец говорит о жизни так глубоко и сильно, что мы познаем жизнь не меньше, чем,

Г. С. Уланова

скажем, в драме, где слово прямо доносит до нас содержание. Но для этого нам нужны Улановы, для этого нужна их власть вскрывать правду жизни.

Нередко, уходя с балетного спектакля, мы уносим с собой лишь красоту внешних очертаний, которые быстро стираются и тускнеют, едва за стенами театра перед нами раскрывается мир действительности. Любуясь Улановой, мы приобретаем ранее от нас скрытое, отсутствовавшее, новое, а потому обогащенные познанием действительности. И впечатление от ее танца не гаснет, не тускнеет назавтра. Наоборот, оно крепнет и вырастает. Танец Улановой достигает этого потому, что он обращается к сердцу, к внутреннему миру. Душевность Улановой вызывает к душевности зрителя.

В сценических образах, уже давно отождествленных в нашей памяти с самой Улановой, — Лебедь, Жизель, Мария, Джульетта, каждая из них мечтает о своем, на свой лад. Мечтаем и мы. Искусство Улановой всегда зовет к действительной мечте. Оно воздействует словно

доказательством от противного. Ее образы преимущественно трагические, обреченные ходом сценических событий, их удел — смерть. У нас же рождается обратное чувство. Гармонический покой ее танца, кажущиеся холод и бесстрастность зажигают страсть и пламя, трагическая участь ее героинь заставляет верить в победу, смерть — утверждает жизнь. В этом «образ века», в этом современность творчества Улановой, так своеобразно откликающейся на мысли наших дней.

Один из критиков писал, что Уланова всегда танцует любовь. Это большая и справедливая похвала. Говорить о любви так, как это делает Уланова, значит говорить о том, что насущно важно, необходимо в наши дни, значит создавать поэму о полноте ощущения жизни. И в этом сказывается дар Улановой, дар огромной человечности. Фантастический или реальный образ танцует Уланова, пессимистичны или оптимистичны его черты — мы твердо уверены в том, что Уланова наполнит каждый образ таким чувством жизни, таким жизнеутверждением, что мы еще и еще раз повторим за Горьким его великоленные слова:

«Человек — это звучит гордо!».

Ю. СЛОНИМСКИЙ